

Мой отец—простой водопроводчик,
Ну, а мне судьба судила петь.
Мой отец над сетью труб хлопочет,
Я стихов вызваниваю сеть.

Кровь отца, вскипавшая, потея,
Мучась над трубой из чугуна,
Мне теперь для ямба иль хорей
Волноваться отдана.

Но, как видно, кровь стихов сильнее:
От отца не скроюсь никуда,—
Даже в ямбе, даже и в хорее—
Родинка отцовского труда.

Даже и в кипенье пред работой,
Знать, отцовский норев перенял,—
Только то, что звал отец охотой,
Вдохновеньем кличут у меня.

Миг—и словно искоркой зацепит,
Миг—и я в виденьях трудовых,
И кипучий и певучий трепет
Сам стряхнёт мой первый стих.

Вспыхнет ритма колыханье,
Польхнёт упругий звук,—
Ближних мускулов дыханье,
Труб чугунный перестук...

А потом, как мастерством разыграю,
Не удам и батьке-старику,—
То как будто без конца, без края
Строки разгоняю... вдруг и на скаку,
Как трубу, бывает, обрубая
Стихотворную строку.

Ну, а то,—и сам дышу утайкой,—
Повинуясь ритму строк своих,
Тихой-тихой гайкой—
Паузой скрепляю стих.

Пауза... и снова, снова строчки
Заиграют песней чугуна...
Что ни строчка—в трудовой сорочке
Вдохновеньем рождена.

Так вот и кладу я песни-сети.
Многим и не вздумать никогда,
Что живёт в искуснике-поэте
Сын водопроводного труда.